

ИРИНА ГОРДЕЕВА

ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ
САЛОМЕМ

Ирина Гордеева

Последний танец Саломеи

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гордеева И.

Последний танец Саломеи / И. Гордеева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Ольга Петровна Стрельцова – молодая известная актриса, дочь генерала, работает в одном из театров Москвы, только что развелась со вторым мужем Семеном, крупным бизнесменом, из-за его измены. Семен очень любит Ольгу, а его измена - чей-то мастерски состряпанный спектакль. Он каждый день посылает ей цветы, но Ольга выбрасывает их и не дает ему шансов для объяснения. Она даже не подозревает масштабы и цель спектакля, который начинается с ее развода. В ее театре тоже перемены – новый худрук - Корецкий Евгений Михайлович, который был знаком с Ольгой по совместным съемкам в сериале. Он начинает ухаживать за Ольгой и предлагает ей роль Саломеи в странном спектакле по евангельскому сюжету о танцовщице, которой Ирод пообещал выполнить любое желание, и она возжелала казни для Иоанна Крестителя. Если бы не обещание Ольги съездить к прозорливому старцу, данное ей умирающему отцу, она никогда бы не узнала, кто и зачем затеял такой хитроумный спектакль, и потеряла бы свою любовь навсегда.

© Гордеева И.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Ирина Гордеева

Последний танец Саломеи

«Пристальное созерцание бриллианта разгоняет хандру, снимает с глаз мрачную завесу, делает человека пронизательнее и настраивает на веселый лад», – он прочитал эти строчки из взятой в библиотеке книги «Алмазы вечны», потом закрыл глаза и представил себе эти камни. Его губы улыбались. Его мозг был готов к действиям. Его душа была полна гордостью, что именно он смог все понять и создать такой грандиозный сценарий. Его сердце было свободно, потому что он никого не любил, кроме себя, и ему надоело прозябать на эти нищенские деньги. Хватит! Он будет богат и будет делать все, что захочет! Талант заслуживает награды. Он не будет включаться в этот вечный спор о цели и средствах ее достижения. Он готов на все. Какой-то непонятный орган, где скрывалась его совесть, больно кольнул и затрепыхался. Совесть, словно рыба на песке жадно глотала воздух, но потом умолкла. Мужчина оделся в дорогой костюм, модное пальто, вышел во двор и сел в свой «Ниссан». Он погладил руль, будто просил прощение за то, что собирался немножко подпортить внешний вид своей любимицы. Так требовал сценарий. Он проехал три квартала и припарковался как раз рядом с желтым «Опелем». Очень близко, почти вплотную, по правую сторону. Колеса «Опеля» были вывернуты, как раз так, как было нужно. Теперь оставалось только ждать.

Девушка вышла через полчаса. На заднем стекле ее новенького «Опеля» красовалась буква «У». Она водила всего второй месяц и плохо сдавала задом. Все случилось по сценарию, «Опель» протаранил его «Ниссан». Девушка выскочила и стала извиняться. Он сделал снисходительное лицо, улыбнулся своей голливудской улыбкой, потом они вызывали гаишников, потом был ресторан, комплименты, коньяк, и к вечеру у него стало одной любовницей больше.

Жанна Ивановна достала тонкие ментоловые сигареты и затянулась. Она всегда совершала особый ритуал после окончания обхода в своем втором психиатрическом отделении. Вначале три затяжки, потом жужжание кофемолки, одно зернышко медленно разгрызть. Заварить и пить, обжигаясь и вдыхая этот ни на что не похожий аромат. Еще три минуты наслаждения... И мозг опять отправляется в этот кошмар – поломанные души, растерзанные судьбы, которые психиатр должен склеивать, сшивать или хотя бы упаковывать в красивую оберточную бумагу из блистеров дорогих антидепрессантов, коробок нейролептиков и прочей бесполезной, по большому счету, мишуры, но необходимой для соблюдения формальной стороны вопроса больничной жизни.

– Бородина Алла Леонидовна, – медленно произнесла она, открывая ее историю. – Ей становится лучше. Но я не понимаю почему. Она у нас уже полгода. Таблетки – те же. Личность почти разрушена. Чтобы ей вылезти нужно чудо, какая-то грандиозная эмоция, страсть... То что сможет собрать этот хаос хоть в какое-то подобие порядка. Санитары сказали, что ее стал часто навещать один человек, приносит фрукты, цветы. Иногда он бывает с женщиной. Интересно бы с ними пообщаться. Видимо, он и есть источник положительной динамики. Даже верится с трудом. Хотя... Чужая душа – потемки... Если так пойдет дальше, мы ее скоро выпишем.

Апрель и май пролетели быстро. Эти месяцы всегда не задерживаются, летят на крыльях. Этому способствует усиливающееся ожидание отпуска, весенние ароматы природы, теплое солнце и длинные майские праздники. Не успеешь оглянуться, – и уже июнь.

– Люда! Вы вчера отсылали лилии Ольге Петровне?

– Конечно, Семен Иванович. Будьте добры, не забудьте сегодня тоже отослать.

– Хорошо. И еще – обзвоните все филиалы, холдинг, Гаврилова – я буду ждать всех в три часа. Подготовьте мне проект договора с немцами. Нам нужно собраться и показать себя с хорошей стороны. И вызовите мне службу охраны.

– А кого вызывать-то? Вы же вчера опять уволили очередного...

– Да, бестолочь опять попалась. Дельных людей просто нет! И доверять – некому. Ладно, звони Михаилу. Он молоденький, но вроде с головой дружит. Попробую его взять начальником. Хотя зеленый еще...

Семен Иванович Бородин погрузился в свое черное кожаное кресло и в свои черные воспоминания. То, что случилось два месяца назад, у него не укладывалось в голове. Его подставили, так ловко, так искусно... Его провели, как мальчишку. И все. Случился конец света в отдельно взятой жизни. Свет был какое-то время и погас. Хотя жизнь, конечно, не закончилась. И виноват – только он. Он не предвидел, хотя должен был предвидеть... Он не учел, идиот полный. И вот теперь он сидит и кусает локти, пытаясь доказать, что невиновен. Просто какое-то коварство и любовь получается. Но как доказать? Как назло в тот день сломался компьютер, который писал с камер видеонаблюдения. Хотя он и так знал, кто и почему это сделал.

Вошла Люда с почтой и чаем. Последнее время Семен не переносил кофе. Ему становилось жарко, сердце начинало бешено колотиться. Слишком много неприятностей за последнее время! Три года назад в горах погиб его сын Денис, альпинист с неплохим стажем. Лавина выбрала именно его в жертву из всей группы. Почему? Два года назад он схоронил мать... И вот теперь Оля... Они прожили вместе всего год. Самый счастливый год в его жизни. И конец. Она не отвечает на звонки, выкидывает лилии в мусор, не открывает ему дверь. Полный бойкот. И даже ее отец, генерал в отставке, которого он так уважает, перестал общаться с Семеном. И нет никакого просвета. Тупик. Что делать? Когда Семен попадал в безвыходные ситуации, он знал только одно: нужно смириться и просто больше работать.

– Спасибо, Людочка! Вызовите на пол-второго наших юристов. Я хочу уточнить с ними некоторые детали. Чтобы все было понятно, без подвохов.

Про себя он подумал: «Если мы подпишем этот договор, то мы станем первыми на рынке. Лучшие заводы, лучшее качество, лучшие цены. Они все будут у нас – и «Газпром», и «Сибирская нефть», и «Югория», словом, все. Такое оборудование нужно всем».

– Конечно, Семен Иванович, – сказала Люда, улыбнувшись.

И тут Семен впервые за два месяца поймал себя на мысли, что он не может улыбаться. Хочет, но не может. Нет, с этим нужно что-то делать. Но что? А рука опять выводила на листке три буквы: Оля.

Утро выдалось ненастным. Моросил легкий дождик. По улице плыли разноцветные зонтики, устало с монотонным воем подъезжал троллейбус. «Придется садиться в эту развалюху», – морщась, подумала молодая женщина, одетая по последней моде и увешанная с ног до головы дорогой бижутерией. Она привыкла так одеваться, хотя сейчас было отнюдь не вечернее время. Ольга ехала к отцу. Ее «Мерс» был в ремонте. Оставался только общественный транспорт, такси она ненавидела больше всего на свете.

Ехать предстояло далеко – через весь город в Онкоцентр. У ее отца был лейкоз. Его выявили очень поздно. Отец никогда ни на что не жаловался. Врачей обходил за три версты. Зимой случился приступ с сердцем, врачи настояли на обследовании. Общий анализ крови показал бласты. Огромное количество взбунтовавшихся клеток. Теперь его нужно было постоянно госпитализировать для переливания крови. Потому что гемоглобин стремился к нулю. А химию он бы уже не перенес. Если бы не чужая кровь, он давно бы умер. Но он жил. Жил, несмотря ни на какие прогнозы врачей. Ольга очень его любила.

Сейчас редко увидишь такую любовь среди людей. Все спешат куда-то, суета диктует свои законы. Работа, семья, накормить, позвонить, магазины, отпуск. Белка бежит, колесо крутится.

Болезни родных, конечно, выбивают из колеи, но некогда. Некогда поговорить, помочь, даже остановиться. Мы бежим. Доставать лекарства, договариваться о стационаре, хорошей палате, лучшем враче... Белка, попав в колесо, должна бежать...

Ольга любила отца не за то, что он очень много ей дал. Он, будучи генералом в каких-то секретных структурах, обеспечил ей 3 высших образования, достаточно высокое материальное и социальное положение, а это давало какую-то независимость и свободу в нынешнем обществе. Но не это было главным. Оля выросла в атмосфере любви. Отец всегда был с нею откровенен и искренен, заботлив и спокоен, он радовался ее радостям и печалился, когда ей что-то не удавалось. Это давало ни с чем не сравнимое ощущение счастья. Но оно рухнуло как-то разом: вначале это дурацкое происшествие с ее мужем, потом болезнь отца. Все навалилось одновременно и беспощадно. На нее одну, словно испытывая на прочность.

Смотря в окно ненавистного ей троллейбуса, Ольга вспоминала свое детство. Это была безмятежная волшебная пора... «Почему оно кончилось?» – вдруг ей в голову пришел этот странный вопрос. Ведь как только оно кончилось, в ее жизни начались различные беды и неприятности. Мать ушла к другому, молодому и богатому. Ольга дважды пыталась создать семью. Неудачно. Конечно, отец всячески помогал ей. И она пережила все невзгоды. В свои тридцать четыре года она выглядела как двадцатипятилетняя красавица, чем вызывала жуткую зависть у всех своих коллег. Там, где она работала, внешние данные ценились на вес золота. Ольга была актрисой.

Благодаря связям отца ее стали снимать в сериалах и даже в кинофильмах, но в эпизодических ролях. Однако основное место работы был, конечно, театр. Павел Федорович Рудаков, ее учитель и наставник, любил повторять ей: «Снимайся или умри» или «Играй или умри». Словом, она, как и все ее коллеги, жила в погоне за ролью, призрачной чужой жизнью, цветами, поклонниками, ресторанами, дорогими бутиками, салонами красоты, сплетнями шоу-бизнеса, сигаретами и не только... Она уже как два месяца пристрастилась к зелью. Курила и нюхала. Уколы боялась, хотя Алимова предлагала. Но что-то удерживало ее. Какой-то стыд или вина перед отцом.

«Следующая остановка «Онкоцентр», – захрипел динамик. Серое высотное здание выплыло из туманной стены дождя. Ольга судорожно схватилась за зонт. Она представила себе этот длинный серый коридор, безжизненные лица, лысые от химии головы молоденьких мальчиков и одетые в парики и косыночки головки девушек. Она боялась встречаться с ними глазами. Те, двое, кто с ним лежал в первый раз, уже умерли. Отец держался из последних сил.

– Привет, папа! Как ты?

– Привет, Оленька! Ты вся промокла? Там ливень?

– Все нормально. Лучше расскажи, как ты себя чувствуешь?

– Да что я? Кушаю через силу, пока встаю, но с трудом. Все как обычно. Надоел я тебе, просто обуза.

– Ну, что ты опять за старое! Вот, это тебе – икра, апельсины, шоколадки для медсестер.

– Спасибо. Тут кормят неплохо. Грех жаловаться.

Бритый дяденька в очках с соседней койки добавил:

– Как на убой кормят, это уж точно.

Ольга с тревогой смотрела на отца. Хоть он и хорохорился, но выглядел очень плохо. Прозрачно-голубая кожа, впалые щеки, отекавшие ноги, одышка.

– Папа, какой у тебя гемоглобин?

– Да темнят они все. Не говорят. Ты сходи сама на разведку.

Оля, едва сдерживая слезы, выбежала из палаты. Зеркальце и пудреница быстро привели ее в чувство. В ординаторской кроме какой-то молоденькой студентки никого не было. Заведующий отделением тоже отсутствовал, впрочем, как всегда. Ольга металась по отделению, пока не нашла лечащего доктора – Галину Степановну.

– Скажите, как он?

– Плохо. Мы уже пять инфузий сделали, а гемоглобин не поднимается. Еще две или три сделаем, больше не имеем права. Готовьтесь к худшему. Извините, у меня много тяжелых поступает.

Ольга сунула в ее карман заранее заготовленный конверт с купюрами. Галина Степановна быстро пошла по серому коридору, оставив после себя запах каких-то невыносимо сладких духов. Ольге хотелось закричать, что она и так это знает и уже два месяца живет в этом ожидании благодаря им, этим правдивым врачам, которые ничего не умеют и не могут, кроме этих слов: «готовьтесь к худшему».

– Все нормально, папа, – выжимая улыбку, сказала Оля, – гемоглобин поднимается. Скоро заберу тебя домой.

– Вот и славно. Хочу тебя познакомить, Оленька, с моим коллегой по несчастью. Это архимандрит Павел.

В углу на кровати сидел седовласый маленький старичок и кротко улыбался.

– Он из области, из Пятиизбянки. Там монастырь восстанавливают, который коммунисты разгромили. Удивительный человек. Если б не болезнь моя, ушел бы к нему в монастырь. Ты ему пожертвуй денежки, а то я тут без денег совсем, дома верну тебе.

– Да, конечно, – пробормотала Ольга, подавая отцу свой кошелек. Она поздоровалась и стала вынимать из тумбочки отца грязные вещи и ненужную посуду.

Отец пожертвовал архимандриту все, что нашел в бумажнике дочери. Он знал, денег у нее хватает.

– Оленька, как бы мне хотелось, чтобы ты с ним побеседовала. Представляешь, он, когда в монахи решил уйти, чуть здоровьем не поплатился. Его отец, председатель колхоза, решил ему хребет сломать, чтобы ходить не мог, лишь бы сын в монастырь не ушел. Так он убежал!

– Папа, давай не сейчас. У меня репетиция. Потом. Давай завтра. Я заберу машину. Главное, ты держись. Вкусненькое купить?

– Нет. Спасибо.

Одышка усилилась. Видно было, что генерал устал и еле говорит. Ольга поцеловала его и быстро вышла.

На репетицию она опоздала. Но ей многое прощалось. Поговаривали, что худрук неровно к ней дышал. В театральной среде все очень сложно. Актеры и их роли живут своими жизнями, иногда путая реальное и выдуманное. Словом, жизнь актера была тяжелой, многоэтажной, часто притворной до тошноты и правдивой до слез.

Дни летели, а Семену становилось все хуже. Появилась бессонница, раздражительность и какая-то липкая слабость. Он нашел в телефоне номер брата и позвонил.

– Привет, Олег! Не отвлекаю? Ты не мог бы меня сегодня осмотреть. Погано себя чувствую. Хорошо. Еду.

Черный красавец «Хаммер» с двумя телохранителями полетел в клинику к Олегу. Брат Семена был хирургом. Клиника была частной, ее подарил Олегу Семен. Она приносила небольшой доход. Олегу хватало. Но только на жизнь.

– Что, хандришь?

– Да. Ощущение, что я умираю. Медленно. Если б не работа, то думаю, я сошел бы с ума...

– Тебе нужно отвлечься. Слтай куда-нибудь... Девочки, пляжи... Ты же раньше себе не отказывал.

– Я не могу. Я каждый вечер еду туда и смотрю на окна. Посижу немного, а как свет выключают, уезжаю.

– Что, все также глухо?

– Еще хуже стало. Вроде у отца ее нашли рак. Ей сейчас совсем плохо. Я чувствую. Видел вчера ее. Издали. Похудела... Кожа да кости. Слушай, может, еще раз позвонишь... Объяснишь ей все про Аллу.

– Слушай, я же звонил. Толку-то! Она здороваается. Говорит, что это ты просил. Я говорю, что нет, а она все равно отключается. Давай я тебе таблеток выпишу. Будешь спокойный, как танк. Гарантирую. Только с потенцией будет не очень... Побочное действие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.